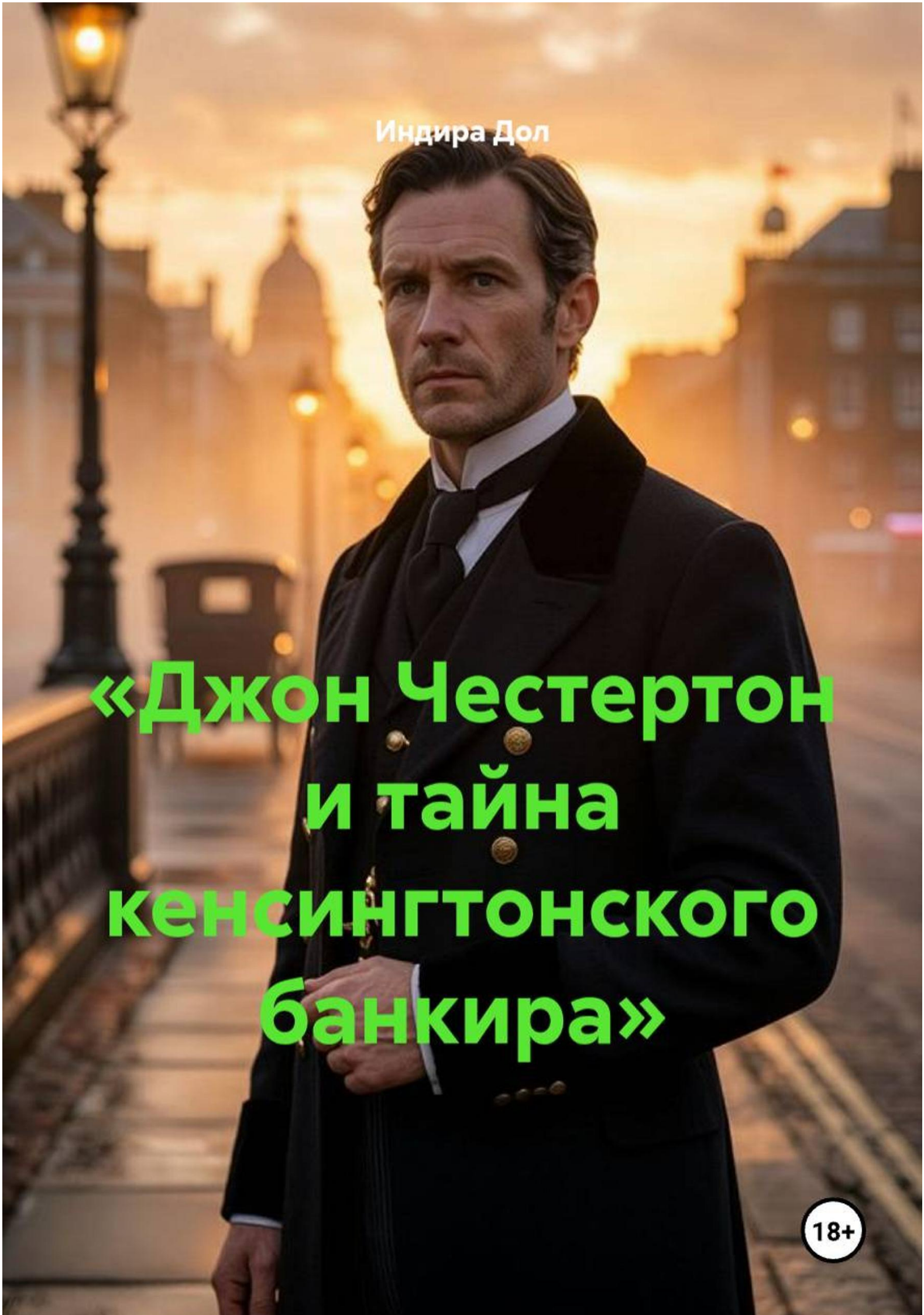
Индира Дол
«Джон Честертон и тайна кенсингтонского банкира»
18+

«Детектив Джон Честертон: архив тайн»

Индира Дол

«Джон Честертон и тайна кенсингтонского банкира»

«Автор»
2026

Дол И.

«Джон Честертон и тайна кенсингтонского банкира» / И. Дол — «Автор», 2026 — («Детектив Джон Честертон: архив тайн»)

Лондон, золотая осень 1931 года, детектив лорд Джон Честертон берется за новое расследование.

© Дол И., 2026
© Автор, 2026

Индира Дол
«Джон Честертон и тайна кенсингтонского банкира»

«Посвящается моему самому надежному и преданному другу. Человеку, чей ясный разум и верное сердце всегда оставались моей главной опорой в этой бесконечной игре под названием жизнь».

Моему Читателю!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ. Последний спектакль Томаса Берка
ЧАСТЬ I. ЗАДВИЖЕННЫЙ ЗАНАВЕС
Глава I. Туман на кухне Честертонов
Глава II. Трагедия в ложе бельэтажа
Глава III. Обитатели Белгрейв-хаус
Глава IV. Первый допрос
Глава V. Театральный разъезд
Глава VI. Чернильные пальцы
Глава VII. Судейский вердикт за ужином
ЧАСТЬ II. ЛОНДОНСКИЕ ПАУКИ
Глава VIII. В тени Скотленд-Ярда
Глава IX. Холодные глаза сэра Джеффри
Глава X. Запах джина и мятных капель
Глава XI. Пропавший ключ
Глава XII. Экспертиза доктора Мора
Глава XIII. Следы на Ист-Энде
Глава XIV. Мелодия для виолончели
ЧАСТЬ III. ЗАКРЫТЫЙ СУД
Глава XV. Обеды Барнаби
Глава XVI. Страховой капкан
Глава XVII. В ловушке улик
Глава XVIII. Арест в Кенсингтоне
Глава XIX. Утренний спор на Белгрейв-сквер
Глава XX. Проверка полиса
Глава XXI. Шахматы у камина
Глава XXII. Кенсингтонский финал
Глава XXIII. Сорванные маски
Глава XXIV. Человек, которого не было
ЭПИЛОГ. Туман рассеивается
ПРИМЕЧАНИЕ ОТ АВТОРА

«В Кенсингтоне золото блестит ярче,
но именно в его отражении
удобнее всего спрятать самое грязное преступление».

— Из записных книжек инспектора Джона Честертона.

ПРОЛОГ

Октябрьский туман, густой и холодный, наползал на Кенсингтон со стороны Темзы, медленно поглощая величественные фасады особняков Белгрейв-сквер. В доме номер двенадцать горело лишь одно окно — окно личного кабинета на втором этаже.

Томас Берк стоял у массивного письменного стола из темного дуба. В полумраке, разгоняемом лишь парой восковых свечей, его лицо казалось мертвенно-бледным. Пальцы мужчины слегка дрожали, когда он просматривал толстую стопку банковских выписок. На белой манжете его дорогой сорочки расплывалось свежее синее пятно — он только что неловко заправил чернилами свою перьевую ручку.

Дверь кабинета распахнулась без стука. На пороге выросла высокая, грузная фигура сэра Джеффри, председателя правления Кенсингтонского торгового банка. Его тяжелое пальто было влажным от сырости, а в холодных глазах читалось ледяное презрение. Он швырнул на стол перед Томасом кожаную папку с документами.

— Подпиши это, Томас. Немедленно, — голос сэра Джеффри прозвучал глухо и властно. — Аудиторы придут через неделю. Если этих бумаг не будет в архиве, ты пожалеешь, что вообще родился на свет. Думай о своей репутации. И о своей семье.

Томас поднял на него тяжелый, потерянный взгляд человека, который не знал, как жить дальше, и безмолвно кивнул. Сэр Джеффри, даже не дождавшись подписи, резко развернулся и вышел, оставив после себя густой запах дорогого табака.

Не успели затихнуть его шаги, как портьера у входа шевельнулась. В кабинет скользнула Элен Варни, главный бухгалтер банка. Её вечернее шелковое платье выглядело помятым, а похудевшее лицо казалось неестественно возбужденным. От нее отчетливо пахло мятными каплями, заменявшими ей парфюм, и крепким джином. Она подошла к столу, судорожно прижимая к груди каминные щипцы, словно искала в них опору.

— Он заставил вас? — прошептала она, и её пальцы мелко задрожали. — Томас, мы пропали... Они всё узнают. Деньги... их больше нет.

Она резко потянулась к столу, забирая подписанную Томасом папку, и её рука случайно задела стоявший на подносе серебряный графин. Словно пытаясь загладить неловкость, Элен схватила хрустальный бокал, плеснула в него темного, густого хереса из личной запаски банкира и пододвинула ближе к Берку.

— Выпейте. Вам нужно успокоиться перед театром. Маргарет уже ждет внизу, — быстро проговорила она, пряча глаза, и поспешно покинула кабинет.

Томас Берк остался один. В тишине дома было слышно только размеренное, зловещее тиканье напольных часов. Мужчина посмотрел на бокал с хересом. На его губах появилась странная, едва заметная улыбка — смесь глубокого отчаяния и леденящей решимости.

Он протянул руку к серебряному портсигару, лежавшему на краю стола. Из-за испачканного чернилами пальца на полированной крышке остался крошечный синий след. Томас открыл его, бережно разгладил лежащую внутри записку, написанную летящим женским почерком, и коснулся шелковой ленты, от которой исходил резкий, экзотический аромат чужих духов.

За окном послышался стук копыт и скрежет колес подъехавшего экипажа. Карета в Ковент-Гарден была подана.

Томас решительно взял хрустальный бокал, сделал один глубокий, необратимый глоток и затушил свечу, погружая кабинет в полную темноту. До того момента, как в Королевском театре вспыхнет свет хрустальных люстр, а оркестр заглушит его последний вздох, оставалось ровно два часа.

ЧАСТЬ I. ЗАДВИЖЕННЫЙ ЗАНАВЕС
ГЛАВА I. Туман на кухне Честертонов

Октябрьский лондонский туман в 1931 году обладал особым, почти осязаемым свойством: он не просто опускался на город, он бесцеремонно поглощал его. Плотный, желтовато-серый саван, который лондонцы ласково именовали «гороховым супом», медленно плыл по Рассел-сквер. Он размывал контуры кованых оград, превращал вековые дубы парка в растрепанных призраков и гасил тусклый свет редких газовых фонарей еще до того, как тот успевал коснуться влажного булыжника мостовой. Опавшие листья платанов, потемневшие от сырости, ковром устилали тротуары, раскисая под каплями непрекращающейся измороси. На улице пахло мокрым камнем, углем из каминных труб и увядающей, сырой осенью.

Однако внутри дома номер двадцать два этот мрачный мир мгновенно отступал. На просторной кухне, расположенной в цокольном этаже викторианского особняка, царило ровное, почти праздничное тепло. Огромная чугунная плита «Ага» дышала жаром, а над ней, на начищенных до медного блеска крюках, покачивались тяжелые сотейники и семейные супницы. Густой, умопомрачительный аромат свежевыпеченного хлеба с ванилью и терпкий запах крепкого черного чая заполняли каждый уголок комнаты.

За длинным деревянным столом из мореного дуба чья столешница за долгие годы покрылась сетью благородных мелких царапин, сидел сэр Оливер Честертон. Бывший судья Высокого суда Лондона, несмотря на свои семьдесят лет, выглядел человеком, которого время не осмеливалось согнуть. Его высокая осанка казалась высеченной из гранита. Он был одет в домашний, но безупречно отглаженный шерстяной жилет винного цвета поверх сорочки с жестким крахмальным воротничком. Из-под густых, кустистых седых бровей, напоминавших два заснеженных сугроба, проницательно поблескивали стальные, неестественно острые глаза. Его крупное лицо с волевым подбородком и тонкими губами выражало ту глубокую, суровую мудрость, которую приобретают лишь люди, десятилетиями вершившие человеческие судьбы.

Сейчас этот грозный взгляд был устремлен на Барнаби — дворецкого, чья фигура являла собой образец британской чопорности. Барнаби был мужчиной неопределенного возраста, сухопарым, с тонкими, почти прозрачными хрящами ушей и идеально причесанными редкими волосами, разделенными безупречным прямым пробором. На нем был строгий черный фрак, который сидел так гладко, словно Барнаби никогда в жизни не садился и не наклонялся. На его бледном лице застыла маска абсолютного, почти величественного спокойствия. С аптекарской точностью он нарезал на деревянной доске прозрачные ломтики бекона, едва заметно шевеля губами.

— Подсудимый, — громовым, глубоким басом произнес сэр Оливер, мерно постукивая тяжелым золотым перстнем по дубовой столешнице, словно судейским молотком, — обвиняется в систематическом хищении муки высшего сорта и тростникового сахарного песка из фамильной кладовой. Присяжные в моем лице требуют немедленного ответа: куда делись три фунта муки, закупленные бакалейщиком в прошлый четверг?

Барнаби даже не повел бровью. Его длинные, бледные пальцы аккуратно подцепили бекон и переложили его на шкворчащую сковороду. Масло весело затрещало, наполняя кухню сытным домашним ароматом. Не оборачиваясь к хозяину, дворецкий ответил своим привычным, монотонным, но полным скрытой иронии голосом:

— Ваша честь, защита категорически отвергает формулировку «хищение». Названные вами припасы были временно реквизированы ввиду форс-мажорных обстоятельств. На задворках Ист-Энда вчера образовалось несанкционированное скопление голодных уличных сирот, грозившее нарушить покой короны. Пятьдесят горячих булочек послужили отличным констеблем. Если суд желает, я могу предоставить показания свидетелей — они как раз доедают

крошки у нашего черного входа и крайне положительно отзываются о качестве судебной выпечки.

Сэр Оливер недовольно крякнул, поправил шерстяной плед на своих коленях, но в глубине его стальных глаз на секунду блеснула теплая, гордая усмешка. Он прекрасно знал, что Барнаби тратит изрядную часть своего скромного жалованья на помощь лондонским беспризорникам, но правила их утреннего ритуала требовали строгого соблюдения юридического протокола.

В этот момент тяжелая дубовая дверь кухни тихо отворилась, и в комнату вошел инспектор Джон Честертон. Сыщик был уже полностью готов к выходу: его темно-серый шерстяной костюм-тройка сидел идеально, подчеркивая подтянутую, худощавую фигуру. В руках он держал аккуратную фетровую шляпу и кожаную папку для документов. Джон унаследовал от отца высокий рост, но его лицо было мягче, тоньше, с высокими аристократичными скулами и проницательными сини-зелеными глазами, в которых всегда читалась напряженная работа мысли. Его каштановые волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая высокий умный лоб. Сейчас на его лице лежала бледная тень усталости после бессонной ночи, проведенной за изучением архивных криминальных дел.

— Надеюсь, суд примет во внимание смягчающие обстоятельства и чистосердечное признание Барнаби, отец, — мягко улыбнулся Джон, проходя к столу.

Дворецкий тут же, словно по волшебству, поставил перед инспектором чашку фарфорового чая — идеального янтарного цвета, именно такого, какой Джон любил.

— Доброе утро, Джонни, — сэр Оливер внимательно посмотрел на сына, и его судейские брови сошлись у переносицы. — Ты снова бледный как привидение. В Скотленд-Ярде теперь разучились спать? Или преступный мир Лондона решил окончательно лишить моего сына аппетита и сна?

— В городе затишье, отец. Обычная бумажная рутина, — тихо ответил Джон, делая первый, согревающий глоток.

Договорить инспектору не удалось. Снаружи, со стороны окутанной туманом улицы, послышался резкий, яростный стук подкованных копыт по мостовой. Колеса кэба со скрежетом затормозили прямо у их парадного крыльца. Через несколько секунд входная дверь дома на первом этаже распахнулась с таким грохотом, что Барнаби неодобрительно покачал головой, застыв с полотенцем в руках.

На кухню, тяжело дыша, скатился сержант Бен Кросби — новый напарник и помощник Джона. Молодцеватый, широкоплечий парень лет двадцати пяти, обычно выглядевший образцом полицейской выправки, сейчас представлял собой зрелище хаотичное. Его форменный шарф съехал на левое ухо, светлые вихры волос торчали в разные стороны из-под сбитого котелка, а на щеке красовалось свежее пятнышко сажи — видимо, он слишком усердно высовывался из окна кэба по дороге. В руках он судорожно сжимал официальный бланк Скотленд-Ярда с красной полосой экстренного вызова.

— Мистер Честертон! Сэр! — выпалил Бен, хватая ртом воздух и преданно, как верный пес, глядя на Джона круглыми от волнения глазами. — Простите, ради всего святого... Доброе утро, сэр Оливер! Но у нас срочный вызов высшей категории! Час назад из Королевского театра Ковент-Гарден. Дело государственной важности, начальник Скотленд-Ярда рвет и метает, объявили общий сбор!

Джон Честертон спокойно, без единого лишнего движения поставил чашку на блюдце. Его домашняя мягкость мгновенно испарилась, уступив место холодной, хищной собранности сыщика. Взгляд сине-зеленых глаз стал жестким и сфокусированным.

— Успокойтесь, Бен. Сделайте глубокий вдох и доложите по существу. Что произошло?

— Томас Берк, сэр! — Бен взмахнул бумагой, едва не задев каминную полку. — Тот самый всемогущий кенсингтонский банкир, глава Торгового банка! Найдена... то есть, он сам

найден! Мертв, мистер Честертон! Прямо в театре, в роскошной ложе бельэтажа, прямо во время финального акта балета «Жизель»! Представляете, сэр? Музыка гремит, балерины танцуют, свет зажигают на поклон — а он сидит в кресле без дыхания! В театре сейчас жуткая паника, вся аристократия Лондона бьется в истерике. А доктор Фил Мор уже прибыла туда, заперлась в ложе вместе с телом, никого из местных констеблей не пускает и требует, чтобы дело передали лично вам!

Джон Честертон на секунду замер, застегивая пуговицу пиджака. Томас Берк. Человек, чье богатство казалось незыблемым, а особняк в Кенсингтоне считался символом неприступной роскоши, оборвалась жизнь на глазах у сотен людей под гром оркестра. Это было не просто убийство, это был вызов.

— Кэб у ворот, Бен? — коротко, по-военному спросил Джон, плавным движением надевая фетровую шляпу.

— Так точно, сэр! Извозчик гонит во весь опор, ждет!

Джон обернулся к отцу. Сэр Оливер сидел абсолютно неподвижно. Его крупные ладони крепко сжимали деревянные подлокотники кресла, а судейский разум, развитый полувековой практикой, уже начал раскладывать брошенные сержантом слова на составляющие.

— Ну что ж, Джонни, — тихо, но удивительно веско произнес старый судья, и его стальные глаза сверкнули в полумраке кухни. — Банкир. Высокий полет. Кенсингтонские тайны и театральные подмостки. Преступник выбрал слишком громкую сцену для своего акта. Это будет великий и сложный процесс. Возвращайся домой только с уликами, сын.

— Обязательно, отец, — ответил Джон Честертон.

Через минуту парадная дверь захлопнулась, и черный кэб унес инспектора и его напарника в туманную неизвестность лондонского утра, навстречу их первому большому делу.

ГЛАВА II. Трагедия в ложе бельэтажа.

Королевский театр Ковент-Гарден, обычно служивший ослепительным символом триумфа лондонского высшего света, сейчас напоминал растревоженный улей, накрытый плотным куполом из тумана и первобытного ужаса. Когда черный кэб инспектора Честертона с натужным, пронзительным скрипом затормозил у величественной колоннады главного входа, Джон первым делом увидел живую цепь растерянных констеблей в синих мундирах. Они с трудом сдерживали напирающую волну лондонской аристократии. Потоки холодного осеннего дождя безжалостно смывали глянец с высшего общества: дамы в измятых шелковых платьях цвета испуганной нимфы и соболиных накидках, бледные, как полотно, джентльмены во фраках, позабывшие про свои шелковые цилиндры, — все они испуганно шептались, толкаясь локтями в отчаянной попытке поскорее покинуть проклятое здание. На ступенях театра под проливным дождем сиротливо блестели брошенные, намокшие программки, обрывки кружевных платков и дорогие веера из страусиных перьев, безжалостно растоптанные в коллективной панике. Люди испытывали не просто страх — их привычный, безопасный мир роскоши и предсказуемости только что дал глубокую трещину. Их трясло от осознания, что смерть способна так бесцеремонно ворваться на их закрытый праздник.

Джон Честертон уверенно шагнул в фойе, и его длинные пальцы привычным, скупым движением поправили поля шляпы, с которой стекали крупные капли воды. Следом за ним, то торопливо, то едва не спотыкаясь о собственные ноги, бежал сержант Бен Кросби. Бен на ходу вытаскивал из внутреннего кармана новенький кожаный блокнот, его пальцы заметно дрожали, а сердце колотилось в самой груди от смеси профессионального азарта и робости перед изысканным интерьером театра. Его глаза испуганно округлялись при виде плачущих светских дам, чья тушь размазалась по бледным щекам, превращая их в трагических мимов.

Внутри театра царила удушающая, давящая атмосфера. Здесь пахло свежевымытым дорогим паркетом, гарью от воска сотен догорающих свечей, лавандовой пудрой и едва уловимым, сладковато-приторным шлейфом экзотических восточных духов, который тяжелым облаком смешивался с запахом сырости от сотен намокших пальто. Огромные хрустальные люстры под высоким расписным потолком горели вполсилы, отбрасывая длинные, зловещие тени на позолоченную лепнину стен. Джон и Бен начали подниматься по роскошной парадной лестнице, устланной багровым ковром, в сторону бельэтажа. Чем выше они поднимались, тем тише становился панический шум толпы внизу, уступая место гнетущему, звенящему безмолвию коридоров, где каждый их шаг отзывался гулким эхом.

У дверей ложи «Б» их ждала доктор Филадельфия Мор. Главный криминалист Скотленд-Ярда выглядела так, словно ее бесцеремонно выдернули из лаборатории посреди самого важного и деликатного эксперимента. На ней был помятый коричневый твидовый пиджак с заплатами на локтях, из нагрудного кармана которого торчала стеклянная мензурка с остатками какого-то реактива, а на хрящеватом носу криво сидело круглое пенсне в тонкой серебряной оправе. Доктор Фил Мор была женщиной лет сорока, с толстыми, вечно искусанными в кровь губами и бледным лицом фанатичного ученого, которая видела в смерти не человеческую трагедию, а захватывающую химическую формулу. Ее пронзительные серые глаза лихорадочно блестели за стеклами пенсне, выдавая глубокий интеллектуальный интерес. Она испытывала искренний восторг исследователя перед сложной загадкой.

— Наконец-то, Джонни! — вместо приветствия лихорадочно зашептала Фил Мор, цепко хватая Честертона за рукав пальто своими тонкими, пахнущими карболкой и реактивами пальцами. — Местные олухи из участка хотели объявить это банальным разрывом сердца! Видите ли, тщеславный банкир переел трюфелей в антракте и скончался от избытка чувств под музыку Чайковского — каков пошлый сюжет для бульварных газеток, а? Но они слепы, Джонни! Абсолютно слепы. Заходи, только ради всего святого, осторожно, ничего не трогай своими безупречными руками.

Джон снял шляпу, передал её мгновенно притихшему Бену Кросби и перешагнул порог ложи, чувствуя, как внутри всё сжимается от привычного профессионального хладнокровия.

Интерьер внутри ложи «Б» поражал поистине королевским кенсингтонским размахом, который теперь казался зловещей насмешкой над человеческой смертностью. Тяжелые, пыльные портьеры из темно-красного бархата с золотыми витыми кистями полностью отгораживали пространство от пустующего зала. На небольшом столике с мраморной столешницей застыли два хрустальных бокала: в одном из них всё еще вяло поднимались пузырьки недопитого шампанского, а рядом лежала раскрытая бархатная коробочка с бриллиантовым колье — не успевший состояться подарок.

В глубине ложи, в самом роскошном кресле, обитом узорчатым шелком, глубоко откинувшись на спинку, сидел Томас Берк. Его голова была неестественно повернута к сцене, словно он всё еще внимательно следил за трагическим финалом балета. Глаза банкира были широко раскрыты, и в них навечно застыло выражение глубокого, немого, почти детского изумления перед лицом чего-то неизбежного и внезапного. На его лице не было гримасы боли или предсмертных судорог, лицо казалось умиротворенным, если бы не едва заметная, пепельно-синяя каемка, проступившая вокруг его губ. Фрак сидел на нем безупречно, без единой складки, а на белоснежной крахмальной груди сорочки в полумраке тускло поблескивала массивная золотая булавка с крупным черным жемчугом.

— Посмотри на его зрачки, Джонни, — доктор Фил Мор присела на корточки прямо у ног мертвеца, указывая кончиком серебряного карандаша на лицо Берка. Ее голос дрожал от научной гордости. — Они сужены до размеров игольного ушка. А эта синева вокруг рта? Это не инфаркт, клянусь моей лабораторией! Это паралич дыхательного центра. Его отравили, мой дорогой друг. Причем яд был редкий, высочайшей очистки, привезенный, скорее всего,

из колоний. И самое пикантное: он попал в организм примерно за два часа до того, как сердце сделало последний удар. То есть... ровно в восемь вечера, когда наш уважаемый банкир еще находился у себя дома в Кенсингтоне или в гостях, или на работе ?!

Бен Кросби за спиной Джона громко, со свистом сглотнул скопившуюся слюну и быстро, ломая грифель, застрочил в блокноте: *«Яд. Скорость действия — ровно 2 часа. Смерть на балете»*. Бена охватил благоговейный трепет перед расчетливостью убийцы. Ему казалось, что они имеют дело с дьявольским гением.

— Два часа... — тихо, словно пробуя слово на вкус, повторил Джон Честертон. Он начал мерно, бесшумно прохаживаться по тесному пространству ложи, препарируя взглядом каждый дюйм. Его лицо превратилось в маску абсолютной сосредоточенности. — Значит, убийца рассчитал время с точностью до минуты. Гром финала балета должен был заглушить его последний вздох. Какая театральная точность...

Джон подошел ближе к застывшему телу и аккуратно, используя кончик белоснежного носового платка, заглянул во внутренний карман фрака Томаса Берка. Его пальцы нащупали холодный, твердый предмет. Извлекши его наружу, инспектор замер, а его брови взлетели вверх.

Это был дорогой серебряный портсигар с изящной гравировкой в виде фамильного герба Берков. Но внимание Джона привлекло другое: на безупречно полированной крышке серебра отчетливо виднелся крошечный, жирный, слегка смазанный след от человеческого пальца... ярко-синего цвета.

— Бен, взгляните-ка, — не оборачиваясь, негромко позвал Джон, чувствуя, как внутри начинает распутываться первая нить клубка. — Что ваш практический ум думает об этом?

— Синие чернила, сэр? — Бен вытянул шею так сильно, что едва не коснулся плеча инспектора, вглядываясь в синее пятно. На лице сержанта отразилось крайнее недоумение. — Откуда у банкира на балете чернила на руках? Он что, пересчитывал прибыль прямо вовремя адажио?

— Или кто-то очень торопился, когда оставлял этот реквизит для нас, — едва слышно пробормотал Джон.

Он аккуратно, стараясь не повредить след, приоткрыл портсигар. Внутри не было сигарет. Там лежала узкая шелковая лента глубокого, насыщенного изумрудного цвета, от которой даже сквозь едкий запах карболки Филадельфии Мор мгновенно распространился резкий, удушливо-сладкий, дурманящий аромат экзотических восточных духов. А под лентой покоился небрежно сложенный клочок дорогой веленевой бумаги. Джон развернул его. Строки были написаны торопливым, размашистым и летящим женским почерком:

«Мой милый Т. Жду тебя в ложе. Наша тайна умрет со мной».

Джон Честертон внимательно всмотрелся в текст и заметил, что на самом краю бумажного обрывка тоже красовалось крошечное синее пятнышко — точно такое же, как на крышке портсигара.

— Ну надо же! Какая удача! — победоносно воскликнул сержант Бен Кросби, и его лицо так и просияло от гордости за собственную догадку. Логика Бена была простой и прямой, как рельсы. — Чистая любовная драма, мистер Честертон! У старого лиса Берка была тайная, порочная интрижка на стороне! Эта женщина отравила его из ревности или денежного шантажа, а ленту оставила как прощальный подарок Скотленд-Ярду! Нам нужно немедленно перевернуть вверх дном весь Вест-Энд, растрясти все парфюмерные лавки, торгующие этими духами, и арестовать девицу!

Джон Честертон ничего не ответил своему помощнику. Он лишь мягко, с глубокой, скрытой грустью посмотрел на восторженного напарника, а затем снова перевел взгляд на застывшее, бледное лицо Томаса Берка. Внутренний голос сыщика, взращенный на долгих юридических спорах со старым отцом-судьей, настойчиво шептал ему: в этом деле всё было слишком...

слишком идеально. Каждая деталь кричала о вине женщины. Настоящий спектакль только начинался, и режиссер этого действа явно хотел, чтобы полиция покорно шла по расставленным для неё указателям, ну либо женщина была ни особо умна.

ГЛАВА III. Обитатели Белгрейв-хаус

Особняк Белгрейв-хаус встретил сыщиков леденящим, парализующим безмолвием, которое обычно воцаряется в домах, куда только что постучалась непоправимая, оглушительная беда. Снаружи кенсингтонский дождь, утихший до мелкой унылой мороси, упрямо и монотонно барабанил по стеклам огромных арочных окон, затянутых изнутри тяжелыми портьерами из лионского бархата цвета увядшей розы. Осенний сад за окном казался безжизненным и заброшенным: раскисшие от непрекращающейся влаги дорожки из гравия были усыпаны чернеющими листьями каштанов, а редкие кусты поздних роз поникли под тяжестью холодных капель. Серое, свинцовое лондонское небо висело так низко над Кенсингтоном, что, казалось, его острая сырость просачивалась сквозь крышу, принося с собой запах тлена, мокрой земли и безнадежности.

Внутреннее убранство дома поражало той монументальной, кричащей роскошью, которая была призвана ежесекундно напоминать гостям о колоссальном, безграничном богатстве его хозяина. Но сейчас эта роскошь казалась зловещей, фальшивой театральной декорацией. Стены просторного, вытянутого вверх холла были облицованы редким каррарским мрамором, чьи серые прожилки в полумраке походили на застывшие трещины. Под ногами расстилался колоссальный персидский ковер ручной работы с узором из переплетенных золотых нитей, начисто глушивший любые шаги. Вдоль стен, словно безмолвная стража, застыли рыцарские доспехи со стальными забралами, отражавшими тусклые блики газовых рожков, а выше темнели массивные портреты предков в золоченых рамах. Их суровые, подернутые вековой патиной глаза, казалось, со скрытым презрением и осуждением следили за каждым шагом чужаков из Скотленд-Ярда, посмевших нарушить покой этого фамильного склепа.

На пороге инспектора Честертона и сержанта Кросби встретил пожилой дворецкий Сэмюэль. Его руки, обтянутые белоснежными хлопковыми перчатками, заметно дрожали, из-за чего серебряный поднос в его руках едва слышно, испуганно позвякивал. Бледное, испещренное глубокими морщинами лицо Сэмюэля выглядело осунувшимся и постаревшим сразу на десяток лет; он служил Томасу с самой юности и сейчас чувствовал себя так, словно земля уходит у него из-под ног. Старик безмолвно, с механической покорностью принял у сыщиков промокшие, пахнущие дождем плащи и шляпы, после чего глухим, надтреснутым голосом попросил следовать за ним в парадную гостиную.

Когда тяжелые, инкрустированные черным деревом дубовые двери распахнулись, Джон Честертон мгновенно, привычным взглядом «режиссера» оценил мизансцену, которая разворачивалась перед его глазами. В комнате находились трое, и каждый из них в эти минуты испытывал целую бурю противоречивых эмоций, искусно или наспех спрятанных под масками светского приличия.

В самом центре гостиной, на изящной кушетке в стиле Людовика XV с позолоченными подлокотниками, неподвижно, словно безупречная мраморная статуя, сидела Маргарет Берк — вдова покойного банкира. Её утонченное, аристократичное лицо с тонкими чертами было пугающе бледным, почти прозрачным в тусклом дневном свете, пробивающемся сквозь щели штор. Тёмные, как смоль, волосы были безупречно уложены волосок к волоску, а строгое черное шелковое платье, наглухо закрывающее шею, подчеркивало её хрупкую, болезненно похудевшую фигуру. На её коленях лежали две маленькие ладони, которые она судорожно, до белизны в суставах сжимала, пытаясь сдержать подступающую изнутри крупную дрожь.

В душе Маргарет бушевал ледяной ураган. В её глазах застыл не просто шок, а глубокое, звенящее, мучительное непонимание: всего несколько часов назад муж нежно, с какой-то особенной, теплотой целовал её пальцы перед выходом в театр, обещая ей, спокойную жизнь. А теперь его привезли мертвым. Из детской комнаты на третьем этаже доносился едва уловимый, приглушенный плач двух её сыновей — мальчики еще не понимали слов, но уже чутко чувствовали, что в их дом навсегда поселился кошмар.

У массивного камина из зеленого малахита, из которого с яростным треском вырывались багровые языки пламени, нервно мерил шагами комнату сэр Джеффри Хейл. Председатель правления Кенсингтонского торгового банка выглядел величественно и одновременно пугающе. Это был высокий, широкоплечий мужчина лет пятидесяти пяти, в безупречном, сшитом на Сэвил-Роу дорогом сюртуке из темно-синего сукна. Его жесткое, хищное лицо с крупным носом и волевым, выдающимся вперед подбородком сейчас было напряжено, а холодные, как арктический лед, бледно-голубые глаза лихорадочно блестели. В руке он сжимал дорогую кубинскую сигару, дым от которой сизыми, тяжелыми кольцами поднимался к лепному потолку, смешиваясь с запахом каминной гари.

Сэр Джеффри испытывал ярость и дикий, удушающий шкурный страх, от которого у него пересыхало в горле. Он понимал, что их с Элен грандиозная, многолетняя афера с фальшивыми счетами теперь, после смерти главы банка, неминуемо выплывет наружу. Каждое появление полицейских вызывало у него внутреннюю судорогу. Его раздражала сама необходимость оправдываться перед какими-то ищейками, и в его голове со скоростью часового механизма крутилась одна и та же мысль: как успеть уничтожить архивы и спасти свои тайные счета в Цюрихе до того, как Скотленд-Ярд доберется до сейфа.

В самом темном, неосвещенном углу гостиной, на глубоком стуле с высокой резной спинкой, буквально сжалась в испуганный комок Элен Варни. Главный бухгалтер банка выглядела жалко, нелепо и пугающе одновременно. Её дорогое бархатное платье изумрудного цвета казалось помятым, словно она не снимала его несколько дней, а на бледных, дряблых щеках горел нездоровый, лихорадочный румянец. Её короткие пальцы, украшенные слишком массивными, безвкусными кольцами с бриллиантами, судорожно, до хруста стискивали ручки маленькой замшевой сумочки. Там, внутри, среди пудрениц и платков, глухо и призывно позвякивал плоский серебряный флакончик с чистым джином.

Элен Варни безумно, маниакально, до дрожи в коленях любила деньги — именно эта всепоглощающая корысть и жажда роскошной жизни заставили её годами покорно помогать сэру Джеффри обкрадывать клиентов и подделывать подписи Томаса. Она привыкла покупать себе оправдания. Но сейчас её грыз изнутри животный ужас перед виселицей. От нее отчетливо, на всю комнату пахло крепким алкоголем, которым она безрезультатно пыталась залить подступающую панику, и едкими мятными каплями. Мысли Элен метались, как крысы в запертой клетке: она понимала, что все подозрения падут на нее, и была внутренне готова лгать, изворачиваться, рыдать и предать сэра Джеффри при первой же возможности, лишь бы спасти свою шею от пеньковой веревки.

— Инспектор Честертон, — сэр Джеффри резко остановился, швырнув окурок сигары прямо в пламя камина. Его мощный, раскатистый голос прозвучал властно, с откровенным, тяжелым давлением человека, привыкшего повелевать. — Наконец-то Скотленд-Ярд соизволил явиться в Кенсингтон. Поймите меня правильно, смерть Томаса — это невыносимая, сокрушительная личная трагедия для всех нас. Он был моим близким партнером и честнейшим финансистом Сити. Но мы, как деловые люди, обязаны думать о живых! Кенсингтонский банк — опора британской экономики, на наших счетах держатся миллионы. Любые грязные слухи об «убийстве» мгновенно разрушат репутацию заведения, вызовут панику на бирже и пустят по миру тысячи честных вкладчиков. Доктор Мор как я слышал утверждает, что это

токсин, но это же полнейший, нелепый абсурд! Томасу просто стало плохо в ложе, подвело изношенное работой сердце... обычный приступ!

Джон Честертон мягко, понимающе и очень вежливо улыбнулся, неторопливо проходя в самый центр комнаты. Он плавно снял свои кожаные перчатки, но его глаза оставались холодными, цепкими и безжалостно наблюдательными. Как опытный детектив, он зафиксировал, как при слове «токсин» Элен Варни в углу судорожно, со всхлипом сглотнула и еще сильнее, до хруста швов вцепилась в свою сумочку, а её правое веко мелко и неконтролируемо задергалось от подступившей истерики.

— Уверяю вас, сэр Джеффри, интересы короны, стабильность Сити и покой честных граждан — наш главный, непреложный приоритет, — спокойным, глубоким бархатным голосом произнес Джон, слегка наклоняя голову в сторону бледной вдовы. — Однако медицинская наука редко ошибается в таких вопросах. Томас Берк был отравлен редчайшим, безжалостным веществом медленного действия, которое попало в его организм ровно в восемь часов вечера. В тот самый момент, когда он находился здесь, в стенах этого особняка. И прежде чем мы с сержантом Кросби поднимемся наверх, чтобы осмотреть его рабочий кабинет, мне необходимо знать: кто именно находился рядом с мистером Берком в его последние минуты? И о каких «тайных встречах» могла идти речь в его личной жизни за пределами банка?

В гостиной Белгрейв-хаус мгновенно повисла тяжелая, душная, звенящая тишина, в которой было слышно лишь то, как Элен Варни со свистом втягивает носом воздух. Сэр Джеффри и корыстная бухгалтерша на долю секунды встретились взглядами — быстрыми, хищными, полными взаимного недоверия и шкурного страха. Этот мимолетный, тайный обмен лояльностью не укрылся от инспектора Честертона. Великая психологическая дуэль за закрытыми дверями Кенсингтона началась.

ГЛАВА IV. Первый допрос.

Малахитовый камин ревел, словно раненый зверь, с яростным треском пожирая тяжелые дубовые поленья, но его яростное, багровое тепло не способно было растопить тот леденящий, парализующий холод, который мертвой хваткой сковал просторную гостиную Белгрейв-хаус. За огромными арочными окнами Кенсингтона стремительно, безжалостно сгущались ранние осенние сумерки. Плотный лондонский туман за стеклом потемнел, налился свинцовой синевой и превратился в тяжелую, грязно-серую массу, которая едва ли не физически вдавливала мокрые, оголенные ветви старых каштанов в оконные рамы. Крупные капли непрекращающейся измороси стекали по стеклу неровными, извилистыми дорожками, похожими на слезы на лице этого роскошного, но внезапно осиротевшего дома. В воздухе комнаты витал сложный, удушливый коктейль ароматов: запах дорогого пчелиного воска, которым были натерты паркетные полы, горький, маслянистый дым кубинской сигары сэра Джеффри и едва уловимый, металлический, приторный привкус чистого страха, который незримым облаком исходил от преступного дуэта.

Инспектор Джон Честертон неторопливо, с абсолютным внешним спокойствием прошел к глубокому креслу с высокой резной спинкой и обивкой из темно-зеленого велюра. Оно стояло в самом центре комнаты, прямо напротив побледневшей, застывшей в своей скорби вдовы. Движения Джона были плавными, экономными, почти кошачьими. Он аккуратно, движением заправского фокусника положил свои мягкие кожаные перчатки на край круглого столика из карельской березы, расстегнул среднюю пуговицу своего безупречно сидящего темно-серого пиджака-тройки и слегка повернул голову к застывшему у массивных дубовых дверей старому дворецкому:

— Сэмюэль, если вас не затруднит, принесите нам чаю, — его глубокий бархатный голос прозвучал удивительно мягко, почти усыпляюще. — Черного, крепкого, индийского, без

сахара. Боюсь, лондонская сырость сегодня умудрилась проникнуть до самых костей. И, если можно, добавьте каплю молока для моего молодого коллеги.

Сержант Бен Кросби, который до этого момента стоял за правым плечом инспектора прямой и натянутый, словно струна виолончели, благодарно и немного смущенно наклонил голову. Напарник Джона уже успел устроиться на небольшом жестком стуле у самой стены, бережно положив свой новенький кожаный блокнот на колено. Бен был одет в строгий, но слегка помятый после безумной утренней скачки форменный воротничок и плотный синий суконный жилет, из-под которого выбивался синий галстук. Его молодой, чисто выбритый подбородок был упрямо выставлен вперед, светлые вихры волос всё еще забавно топорщились в разные стороны, а круглые серые глаза лихорадочно блестели от профессионального азарта. Его карандаш замер над чистой страницей, а сам сержант во все глаза разглядывал кричащую роскошь кенсингтонского особняка, то и дело бросая подозрительные, испепеляющие взгляды на притаившуюся в углу бухгалтершу. Молодой ум Бена ликовал: ему казалось, что это дело — прямая и легкая дорога к триумфу, ведь виновники, сгорающие от жадности, сидят прямо перед ними.

Когда старый дворецкий беззвучно, словно тень, исчез за тяжелой портьерой, Джон перевел свой цепкий, проницательный взгляд на сэра Джеффри Хейла. Председатель правления так и не соизволил присесть. Он продолжал стоять у камина, широко расставив ноги и заложив крупные ладони за спину. Его начищенные до зеркального блеска туфли из телячьей кожи то и дело нервно, едва слышно постукивали по малахитовой плите пола. Мощные плечи магната были напряжены до предела под плотной тканью дорогого сюртука, а на виске, прямо у кромки седеющих волос, пульсировала тонкая синеватая жилка. Сэр Джеффри испытывал бешеное, клокочущее, почти осязаемое раздражение, смешанное с удушающим шкурным страхом. Он привык, что в лондонском Сити его суровый взгляд заставлял трепетать директоров, а этот худощавый инспектор из Скотленд-Ярда посмел разговаривать с ним на равных. Более того, Джеффри мучительно, до ломоты в висках пытался вспомнить: не оставил ли он вчера в кабинете покойного Томаса какую-нибудь мелкую деталь, способную выдать их финансовые махинации с фальшивыми счетами.

— Итак, сэр Джеффри, — Джон Честертон принял из рук вернувшегося Сэмюэля тончайшую фарфоровую чашку с золотой каемкой, вдохнул ароматный пар и сделал крошечный, деликатный глоток. — Вы упомянули, что мистер Берк был вашим самым близким и надежным партнером. Скажите, вчера вечером, перед тем как театральная карета подала сигнал к выезду в Ковент-Гарден, вы ведь лично поднимались к нему в рабочий кабинет? Наш извозчик на площади подтвердил, что ваше элитное купе покинуло Белгрейв-сквер ровно незадолго до восьми вечера.

Сэр Джеффри резко, словно от удара хлыста, вскинул тяжелый подбородок. Его бледно-голубые глаза превратились в две ледяные, пронзительные щелки. В его душе на секунду вспыхнула самая настоящая паника, но он виртуозно, усилием воли подавил её, придав своему голосу привычную, раскатистую надменность высшего света:

— Да, инспектор, заходил. И скрывать мне, как вы понимаете, абсолютно нечего, — и его пальцы за спиной судорожно сжались в кулаки.

— Я лично привозил Томасу на подпись балансовые отчеты нашего Кенсингтонского банка для предстоящего аудита. Обычное, рутинное дело. Мы поговорили от силы не более пяти минут. Томас был в прекрасном расположении духа, шутил, поправлял свой вечерний фрак перед зеркалом. Он размашисто подписал бумаги, я забрал их и сразу уехал к себе в клуб «Реформаторов». Если вы своим вкрадчивым тоном намекаете на то, что в этой кожаной папке находился яд, Честертон, то это дешевый, пошлый трюк, абсолютно недостойный Скотленд-Ярда!

— О, помилуйте, никаких намеков, — бархатный голос Джона прозвучал еще тише, почти усыпляюще, заставляя подозреваемого терять бдительность.

— Простое, скучное уточнение хронологии. Но скажите, сэр Джеффри, те самые важные бумаги, которые он подписал... Вы пользовались его личной ручкой? Или у мистера Берка на столе стояли свои собственные, особые синие чернила?

При упоминании синих чернил сэр Джеффри на какую-то долю секунды буквально окаменел. Его массивное лицо дернулось, а сигара в пальцах опасно накренилась, обронив серый столбик пепла прямо на лацкан дорогого сюртука.

— У Томаса на столе всегда стоял старинный чернильный прибор из тяжелого черного хрусталя, — сквозь зубы процедил Джеффри, отчаянно стараясь, чтобы его мощный бас не дал предательскую трещину. — Кажется, чернила в нем были самыми обычными, темными. Я не привык присматриваться к столь ничтожным, грошовым мелочам, инспектор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.